

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

П. А. СОРОКИН

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Три догадки

Время, в которое мы живем, дышит революцией. У нас на глазах разворачивается эпохальный кризис чувствительной культуры и общества. Несколько лет назад мое предостережение о начале кризиса, который может достигнуть невероятного размаха, многие восприняли скептически. Сегодня только слепой продолжает отрицать очевидное. Экстраординарный кризис — перед нами, во всей своей неистовой реальности. Центральной проблемой нашего времени является не противостояние тоталитаризма и демократии, капитализма и коммунизма, интернационализма и национализма, пацифизма и милитаризма; и уж тем более не противостояние Гитлера или Сталина, с одной стороны, Черчилля или Рузвельта, с другой.

Эти конфликты — лишь побочные следствия главной проблемы. Мы находимся в начале завершения чувствительной фазы нашей культуры и общества, то есть переживаем период глобальных перемен, характеризующийся противостоянием чувствительных и фундаментально противоположных им идеационных (чувственно не воспринимаемых), или идеалистических форм культуры и общества.

Такой кризис означает полное переосмысление и переоценку всех без исключения ценностей современной культуры и общества. Ценности сегодняшнего дня, начиная с современной науки и философии, религии и искусства, этики и юриспруденции и заканчивая всеми формами социальной, экономической и политической организации, предстанут перед суровым Высшим Судом Истории. Социологии и общественным наукам также не избе-

---

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) — русский и американский социолог. Статья впервые опубликована в журнале *Social Science*. 1941. No. 16 (July). P. 221-229. Перевод выполнен по изданию: *Sorokin P. Declaration of Independence of the Social Sciences // Sorokin P. On the Practice of Sociology / Ed. and with introd. by B. Jonston. Chicago–London: The University of Chicago Press, 1998.*

Перевод с английского и примечания *Н.В. Деминой*.

жать безжалостного испытания. Приговор этого суда окончателен и обжалованию не подлежит. Никто не может достоверно предсказать, каким он будет в отношении современных общественных наук и социологии. Однако, основываясь на некоторых обстоятельствах, можно попытаться сделать прогноз. Высказывая свои предположения — и не более, — мы никого не вводим в заблуждение, независимо от того, сбудутся они или нет. Каким будет приговор на самом деле — решит история.

Сделав подобную оговорку, я собираюсь высказать три догадки и надеюсь, что они окажутся столь же верными, сколь и некоторые мои предыдущие предположения. Первая догадка предвосхищает характер приговора истории *re*¹ современной социологии и общественных наук. Вторая имеет отношение к формулировке основных пунктов приговора Высшего Суда. Третья догадка касается вида дисциплинарного взыскания, которое, по всей вероятности, будет наложено на социологию и общественные науки перед тем, как они станут составной частью новой культуры.

Первая догадка: предсказание приговора

Что касается приговора Высшего Суда Истории по отношению к современным социологии и общественным наукам, то он будет сродни оценке «три с минусом», поставленной студенту, чтобы показать: хотя он и не полностью провалился на экзамене, но и не продемонстрировал удовлетворительных знаний. Получившему такую оценку дается испытательный срок, и он сможет перейти на следующий этап обучения, только если улучшит свою успеваемость. Таким образом, история примет решение перевести социологию и общественные науки первой половины двадцатого века на новый этап условно, с испытательным сроком.

Вторая догадка: предсказание формулировки приговора

Выводы, которые лягут в основу приговора Высшего Суда Истории, будут, вероятно, следующими. Социологией и общественными науками первой половины двадцатого века завладело честолюбивое желание уподобиться естественным наукам. Это помешало им разработать принципы референции, адекватные не только социокультурным феноменам, но и методам их исследования. К тому же они отказались от тех принципов референции и методов, которыми пользовались великие социальные мыслители прошлого. Обладая скудными познаниями о реальном характере естественных наук и еще меньше понимая их исследовательские методы, социологи и специалисты в области общественных наук стали приписывать естественным наукам концепции и методы, которые последние либо не применяли, либо уже давно не использовали. Они не смогли понять, что если бы социология и общественные науки были идентичны естественным наукам в том, что касается принципов референции и методологии, то не было бы никакой нужды в «социальной физике», «социальной механике» или «естественнонаучной социологии». В этом случае реальная физика, химия, механика или биология занялись бы изучением социально-культурных феноменов самостоятельно, и им бы не понадобились любительская псевдофизика или псевдобиология. По-

¹ По делу (лат.). — *Прим. перев.*

добные кустарные дубликаты естественных наук выглядели бы бесполезными уродцами, лишенными добродетелей естественной науки и понимания того, чем отличается природа социокультурных явлений от неорганических и органических явлений.

Навязчивая идея имитации, овладевшая социологией и общественными науками первой половины двадцатого века, привела к тому, что они не стали ни рыбой естественных наук, ни мясом общественной науки. Они не имели собственных непротиворечивых принципов и методологии. Не могли они и плодотворно применить к социокультурным феноменам концепции и методы естественных наук. Эта фатальная ошибка обусловила и все другие недостатки рассматриваемых дисциплин.

А. Несмотря на то что общественные науки использовали большее количество методов и разнородных принципов, чем любая естественная наука, полученные результаты оказались малосодержательными и далекими от реального познания социокультурных феноменов.

Б. Ошибочно полагая, что естественные науки основаны исключительно на сенсорном наблюдении и данных органов чувств, социология и общественные науки пытались построить все свои заключения исключительно на сенсорных наблюдениях. Эта особенность получила разные названия: «операциональный, или инструментальный метод», «чистая эмпирика», «бихевиористское, или объективное изучение социокультурных явлений», «количественный и социометрический метод», «логико-экспериментальные и индуктивные процедуры» и т. п. Находясь во власти подобного ложного представления, эти дисциплины либо налагали вето на использование разума и интуиции, либо полностью пренебрегали последними как источником познания вообще и социокультурного познания, в частности. Логический и эпистемологический анализ социокультурных проблем заклеямили как «тиранию слов», «бесплодную философию кресла», «стерильную тавтологию». Логика была заменена семантикой, математика — нумерологией. Интуиция во всех ее формах была названа простым суеверием, логические и интуитивные истины — глупыми пережитками прошлого. В результате общественные науки стали в значительной степени складом разнородных фактов, механически собранных и механически обрабатываемых различными патентованными техниками социального исследования, которые, как подразумевалось, автоматически приводили к валидным предположениям.

В. Общественные науки собрали огромный океан «фактов» и накопили поражающую воображение гору информации о том и сем, словом, обо всем — от бедности до преступности и сексуальной жизни меланезийцев, от фрейдистского либидо до фашизма, солнечных пятен, хромосом, близнецов-«пятернашек», электронов, короче, почти всего мыслимого и немислимого. Несмотря на громадные размеры этой коллекции было предложено очень мало обобщений и корректных формул, описывающих закономерности социокультурных процессов. То, что было сделано, оказалось: либо (а) искаженным повторением формул, выведенных естественными науками, которые никогда не рассматривали социокультурные явления как отличные от явлений физических и биологических и не предлагали понимания социокультурной реальности; либо (б) доморощенными обобщениями, претендующими на высокую точность (однако неизбежно оказывающимися несо-

стоятельными); либо, в лучшем случае, (в) заново сформулированными, правда, в вульгаризированном виде, обобщениями, которые в свое время высказали великие социальные мыслители прошлого. При этом, как водится, имена великих даже не упоминались.

Убеждение, что научное исследование сводится лишь к поиску и коллекционированию фактов, ошибочно. Между тем социология и общественные науки, ведомые именно подобной логикой, собрали большое число фактов столь разной природы, что вскоре потеряли какую-либо путеводную нить. Они не знали, что делать этими фактами, и, несмотря на масштабность собранной коллекции, мало что понимали в социокультурных феноменах, — возможно, еще меньше, чем раньше. Чтобы смягчить эту неприемлемую ситуацию, они занялись составлением большого числа библиографий, потом библиографий самих библиографий и, наконец, библиографией библиографий библиографий.

Эти библиографии, как правило, составлялись студентами первого года магистратуры, которых обязывали механически собирать все, что попадалось им под руку. Однако подобная практика не позволила разрешить существующие проблемы. Никто из социальных ученых не мог продраться через десятки тысяч заглавий в большинстве своем бесполезных работ. Вместе с тем аккуратность расставленных в строгом алфавитном порядке заголовков и меньше, чем «обычно», число типографских ошибок вызывали особую гордость у социологии и общественных наук. Таким образом, стандартизированная процедура получила преимущество перед компетентным, тщательным и нестандартизованным анализом действительно ценных исследований.

Отказавшись от рассуждений и логики, общественные науки тем самым лишились возможности организовать непокорную массу случайных и разнообразных фактов. Из-за отсутствия принципов и способов их организации в логическую, непротиворечивую систему теперь связью между несвязными главами служит обложка книги, бумажная страница собирает воедино пестрый массив приведенных на ней данных. Вместо поиска интегрирующих принципов в каждой из общественных наук по решению большинства ученых образовались особые «Комитеты Интеграции и Стандартизации». Их усилиями были стандартизированы введения, программы спецкурсов, объем книг, число страниц, обязательных для прочтения студентами и т. д. (Для преподавателей-нонконформистов допускалось, однако, «стандартное отклонение».) Так логическую согласованность заменила механическая стандартизация, логическое единство — «пространственно-временной континуум» книги либо страницы, концентрированную мысль — «операционализированная», манипуляции с анкетами, опросами и табуляграммами, научное открытие — большинство голосов членов Комитетов Интеграции, Стандартизации и Энергичного Продвижения соответствующих дисциплин. Полная победа коллекционирующей факты, не размышляющей, антилогической и антиинтуитивной общественной науки была не за горами.

Не менее разрушительными оказались последствия, вызванные изгнанием всех форм интуиции как источника знаний и истины со священной территории социологии и общественных наук. Отбросив, таким образом, один из наиболее важных и глубоких способов познания вообще и социокультурного познания, в частности, общественные науки становились все

более и более тривиальными. Их творческий потенциал постоянно сокращался. Уменьшалось понимание ими социокультурной реальности. Они не смогли сделать великих открытий. Их обобщения по большей части представляли собой либо вымученные констатации очевидного, либо простое перечисление подсчитанного числа телефонов, отправленных писем, ярдов холста, использованного для рисования, количества опубликованных книг, произведенных арестов, родившихся детей, размера подоходного налога и миллионов других пертурбаций. Наблюдались также прогрессивное приближение к все более полному знанию обо все меньшем и меньшем и вместе с тем блуждание в джунглях противоречащих друг другу теорий, о которых никто не мог сказать, какие из них истинны, а какие ложны. Когда эти опасности стали достаточно очевидными, общественные науки попытались противодействовать им в своей обычной механистической манере.

Во-первых, сообщество ученых, занимающихся исследованиями в области общественных наук, было преобразовано в иерархическую структуру. Верхние ее позиции заняли высокопоставленные постоянные (*superfellows*) и привлеченные (*superresearchers*) сотрудники факультета, затем следовал слой постоянных сотрудников и только что оперившихся ученых (*full-fledged researchers*), далее — постоянные (*subfellows*) и привлеченные (*subresearchers*) сотрудники факультета, играющие второстепенную роль. Самая нижняя ступень была отведена активным, вносящим основной вклад в науку ученым, тем, кого обычно «терпят». Было решено, что неопровержимость, валидность и ранг теорий, проповедуемых исследователем, находятся в очень тесной положительной корреляции с его позицией в этой иерархии.

Во-вторых, были организованы несколько Высших Исследовательских Советов, чьи предписания (*dicta*) считались непогрешимыми. Ссылки на решения этих Звездных Палат Социальной Науки заменили действительное тестирование валидности предлагаемых теорий.

В-третьих, в добавление ко всем вышеописанным механистическим видам ценностей и валидности от имени общественных наук было заявлено, что существуют определенные методики научного исследования, которые автоматически открывают истину каждому, кто их использует. Таким образом, на свет был извлечен бэконовский миф о существовании абсолютно научных методов. На некоторое время эта возрожденная мифология спасла положение. В течение нескольких десятилетий «рядовой» и «сержантский» состав исследователей был искренне убежден в неопровержимости методик психологического тестирования (*mental test*), измерения коэффициентов корреляции, стандартного отклонения и допустимой ошибки; не подвергались сомнению техники психоанализа и интервьюирования, техники *case-метода* в полевой работе и *полевого метода* в *case-работе*, эконометрическая, психометрическая, социометрическая и этикометрическая техники измерения. Считалось, что подобные методики позволяют делать надежные прогнозы, — от тенденций в жизни человечества до флуктуации цен на чугун в 2000 г. н. э. и численности населения Соединенных Штатов или Сиам в 2344 г. Эти методики содержали большое число очень сложных формул и символов, а также священные процедурные обряды операционального, инструментального, семантического, социометрического и психоаналитического подходов.

Какое-то время эта конструкция успешно работала. Социальные исследователи лихорадочно занялись вычислением результатов по своим замечательным методикам. Журналы и книги в области общественных наук начали заполняться сложными диаграммами, цифрами, формулами и священными символами, повергающими в трепет тех, кто не прошел обряд инициации. Подобно священным символам древних религий и малопонятным пророчествам оракулов, соответствующие выкладки резко повысили престиж общественных наук.

К сожалению, со временем ученые и простые смертные стали замечать, что многие самые что ни на есть достоверные прогнозы, сделанные с помощью неопровержимых методик, оказались опровергнутыми. Многие из предсказанных тенденций на самом деле не имели места; напротив, получили развитие непредвиденные тенденции. Большая часть считавшихся неуязвимыми теорий оказалась глупой ошибкой, многие выводы — ложными. Стало понятно, что многие из использованных методик построены на песке, в то время как другие обеспечивали поразительную точность результатов ценой приближенной валидности.

Г. Простым следствием из создавшейся ситуации стал тот факт, что социология и общественные науки потерпели фиаско и с практической точки зрения. Они оказались неспособными покончить с каким-либо социальным бедствием или внести вклад в дело улучшения человеческой жизни. Они не смогли выдвинуть какой-либо последовательный план социокультурной реконструкции. Меры, предложенные ими во имя науки, были либо бесполезными, либо вредными. Чем больше экономисты вмешивались в экономическую ситуацию, тем хуже она становилась. Чем активнее криминалисты занимались предотвращением и сдерживанием преступности, тем интенсивнее она росла. Чем больше деятели образования экспериментировали с проблемами образования, тем более поверхностными и менее думающими становились студенты. Чем чаще политологи вмешивались в вопросы политической реконструкции, реорганизации правительства и установление мира во всем мире, тем ужаснее оказывались правительственные режимы, быстрее увеличивались внутренний беспорядок и число революций, кровопролитнее и чаще становились войны.

Чем больше советов давалось для спасения свободы и демократии, тем быстрее исчезали демократия и свобода. Чем активнее обсуждались вопросы семьи и брака, тем больше становилось разводов и проблем в семейной жизни. По всей видимости, будет несправедливо приписывать все эти промахи научным работникам и общественным наукам, однако перечисленные негативные явления в достаточной степени свидетельствуют о неэффективности и поверхностности выработанных ими практических рекомендаций. Планы, направленные на преобразования, были либо совершенно банальными, высосанными из пальца, лишеными воображения, лилипутскими, либо являлись вульгаризированными подобиями тех проектов, что выходили из под пера социальных мыслителей прошлого, проектов, отмеченных печатью вдохновения и дерзкого полета мысли.

Выдвигаемые общественными науками предложения были лишены очарования из-за их грандиозности и непригодны к реализации, поскольку в них не учитывались реальные условия.

В большинстве случаев планы социокультурных усовершенствований и реконструкции, выработанные различными группами исследователей в области общественных наук, являются повторениями программ и платформ невежественных политиков и политических фракций. От имени науки исследователи-теоретики в области общественных наук, ассоциирующие себя с коммунистами либо нацистами, шумно пропагандировали коммунистическую либо нацистскую идеологию. Именем той же науки теоретики, ассоциирующие себя с консервативными тори, предложили программу социального преобразования в духе последних. Разнородность и противоречивость таких планов — а все представлялось как последнее слово общественной науки — служили неопровержимым свидетельством невежества и неспособности создать научный план, приемлемый для всех. Повторяя бессистемные, в огромной степени невежественные и по обыкновению эгоистичные планы политиков, общественные науки еще более дискредитировали себя.

Они не смогли предложить никакого научного плана преобразований, потому что, как уже упоминалось, не могли предсказать тенденций социокультурных процессов. Большинство прогнозов — от теорий углубления и расширения прогресса в XIX веке до оценок развития социальных тенденций и бизнеса в XX веке — оказались ошибочными. Весь ход событий вел к войне, а общественные науки предрекали упрочение длительного мира. В пору вызревания революций они обещали стабильный порядок. Накануне экономического кризиса, затяжной депрессии и роста обнищания они предсказывали семьдесят семь жирных лет процветания, в течение которых экономические флуктуации станут все менее и менее интенсивными. Этот парад дезинформации общественных наук обернулся падением их престижа.

Перечисленных пороков социологии и общественных наук первой половины двадцатого столетия вместе с теми, что остались неупомянутыми, достаточно для того, чтобы подтвердить приговор «виновен» с последующим изгнанием либо в царство забвения, либо на кладбище истории. Однако Высший Суд Истории, помнящий о благородном пенеологическом² принципе *in dubio pro geo*³, примет во внимание некоторые смягчающие обстоятельства и вынесет решение о назначении социологии и общественным наукам условного наказания.

Если следующее поколение общественных наук сможет освободиться от большого числа своих пороков и преуспеть в изменении своего поведения по изложенной ниже программе, то с них будет снято наказание, и они получат разрешение занять свое место в культуре и обществе. Согласно постановлению Суда, условия для приведения общественных наук в должный вид таковы.

Третья догадка: преобразование и Декларация независимости общественных наук

Социология и общественные науки покончат с безумными амбициями стать псевдомеханикой, псевдофизикой и псевдобиологией. Они вернуться к

² Пенеология — наука о наказаниях, предотвращении преступлений, тюрьмах и других исправительных учреждениях. — *Прим. перев.*

³ В случае сомнения — в пользу обвиняемого (лат.) — *Прим. перев.*

своим забытым истокам, чтобы стать науками, непосредственно изучающими социокультурные явления с помощью своих собственных принципов рефлексии, соответствующих специфической природе социокультурной реальности. Это преобразование повлечет за собой следующие фундаментальные перемены в социологии и общественных науках.

I. Они кардинально пересмотрят свою систему истины и знания, которая почти стопроцентно основана на сенсорном наблюдении, где органы чувств — единственные и главные арбитры в вынесении суждения об истинности или ложности. Эта истина чувств должна быть заменена более адекватной интегральной системой, органически синтезирующей истины чувств, разума и интуиции, которые контролируют и дополняют друг друга. Исходя из того, что социокультурная реальность многообразна и содержит, по крайней мере, три разных аспекта: нерациональный, или эмпирический; рациональный; метаэмпирический и метарациональный, — истина чувств должна дать понимание нерационального либо эмпирического аспекта социокультурного многообразия; истина разума должна дать, главным образом, понимание рационального аспекта; истина интуиции как прямое, мгновенное и аксиоматическое понимание реальности должна дать знание всего того, что является здесь суперсенсорным и суперлогическим.

Социология и общественные науки двадцатого века были не правы, предполагая, что истина естественной науки — чисто эмпирическая и чувственная. Они забыли, что силлогистическая и математическая логики, которые существенно независимы от любого сенсорного наблюдения, приводят к более валидным предположениям, чем те, что основаны на чувственных наблюдениях. Они также забыли, что без математики и логики ни одна из естественных наук не могла бы открыть и доказать ни одного закона. Главные принципы и концепции, главные методы верификации естественной науки выведены из логики.

Если истина разума играет столь важную роль в естественной науке, то в общественной науке ее роль должна быть еще больше. Только незнание реальной системы истины, используемой в естественной науке, может объяснить попытку самоубийства общественных наук и социологии, исключивших истину разума из собственных принципов исследования. С сегодняшнего дня надо постараться не совершать этой фатальной ошибки. Исследователи в области общественных наук должны понять, что великие социальные мыслители от Конфуция, Платона, Аристотеля, св. Августина, св. Фомы Аквинского и до Ибн Хальдуна, Вико, Монтескье, Локка, Гоббса, Гегеля, Маркса, Конта и Спенсера — упомянем лишь несколько имен — сделали свои наиболее важные открытия путем логического, эпистемологического и математического анализа. Необходимо открыть широкие врата науки разума во всех его качественных и количественных формах.

Общественные науки первой половины двадцатого века совершили еще больший промах, игнорируя интуицию как источник знания. Они опять же ошибочно предполагали, что интуиция не играет никакой роли в естественной науке, особенно при совершении открытий и создании новых технологий, и что опора на интуицию может привести только к суевериям и ошибкам. Внимательное рассмотрение вопроса позволяет сделать вывод, что интуитивное знание играет первостепенную роль при открытиях и технологи-

ческих изобретениях, в области изящных искусств, этики, юриспруденции, религии и философии. Любое тщательно проведенное эмпирическое исследование покажет, что интуитивные истины лежат в основе всех наук. Как в математике и физике, так и в общественных науках существуют исходные постулаты и аксиомы, которые не могут быть выведены путем логического рассуждения либо доказаны путем сенсорного наблюдения и которые тем не менее лежат в основе наиболее важных открытий. Эти интуитивные истинные утверждения являются необходимой составляющей любой науки, они обеспечивают валидность всех дедуктивных и индуктивных предположений, на которых строится наука.

Общественная наука может сделать вывод, что источником и импульсом наиболее важных открытий, зафиксированных в истории, — от сделанных Архимедом и Платоном — через Галилея, Ньютона и Р. Майера⁴ вплоть до математических прозрений Ж.А. Пуанкаре — была интуиция: мгновенное, попадающее в цель адекватное открытие. То же самое относится и к техническим изобретениям, процесс совершения которых описан их авторами. Как известно из жизнеописаний великих мастеров, роль интуиции велика при создании шедевров изящного искусства, в религии, юриспруденции и этике. Любое творение — это открытие, так же как любое открытие — это творение. Выдающийся художник показывает нам потенциальные возможности, скрытые от нашего взора до тех пор, пока их не откроет его творческий гений. Точно так же научное открытие — это творение, нахождение действительной или потенциальной закономерности или закона, которые до сих пор оставались незамеченными.

Учитывая столь выдающуюся роль интуиции в любом познании или творении, нельзя не изумиться недомыслию общественных наук и социологии. Отрицая интуицию, они оказались лишены одного из базовых источников познания и творчества. Искаленные таким образом, они, естественно, не могли ни возвыситься над плоским уровнем тривиальностей, ни глубоко проникнуть за поверхностный сенсорный аспект социокультурной реальности. В результате они становились все более бессодержательными, из них постепенно исчезали вдохновение, творчество и просветительский дух.

В интересах самих же общественных наук ликвидировать упомянутый промах. Им пора начать использовать все три источника человеческого познания. Каждый из них, взятый по отдельности, может увести в неверном направлении. История человеческой мысли — это кладбище, заполненное ошибочными сенсорными наблюдениями и силлогистическими заключениями, вводящими в заблуждение псевдоинтуициями. Взятые вместе, эти три источника дополняют и контролируют друг друга, дают больше валидного знания, чем любой из них по отдельности. Интегральная система истины вместо односторонней истины чувств — таково первое требование к об-

⁴ Майер (Mayer) Юлиус Роберт (1814–1878), немецкий биолог, врач. Сформулировал закон сохранения энергии (эквивалентность механической работы и теплоты) и теоретически рассчитал механический эквивалент теплоты (1842 г.). Майер рассмотрел также применение этого закона к живым организмам, выделив ключевую роль зеленых растений, аккумулирующих солнечную энергию, в общей энергетике живой природы. — *Прим. перев.*

ществленным наукам, если они хотят стать реальной и непреходящей ценностью.

II. Система истины изменилась; принципы и методы общественных наук также должны измениться, выйти за рамки принципов референции и методов естественных наук. Сейчас эти сети подходят для ловли органической и неорганической рыбы, но они непригодны для ловли рыбы социокультурной. Они просто не созданы для этой цели. Более конкретно это означает, что существующие в естественных науках концепции времени, пространства, связи, причинности, вероятности, равновесия, движения, изменения, силы, массы, идентичности и различия не могут быть полностью использованы при изучении социокультурных феноменов. Их место должны занять множество концепций, принципов и методов референции, изобретенных для реальности, существенно отличающейся от чисто неорганической или органической. Они будут существовать как бы параллельно принципам естественных наук, но вместе с тем отличаться от соответствующих концепции, принципов или методов естественных наук. Астрономические, физические и биологические концепции времени и пространства в естественных науках будут заменены совершенно другими концепциями социокультурного времени и социокультурного пространства. Концепция физико-химической или биологической системы — социокультурной системой, с совершенно другой структурой, компонентами и свойствами. На место естественнонаучной концепции причинности — непригодной для изучения социокультурной реальности — должна встать концепция осмысленно-каузальных взаимоотношений социокультурных феноменов. От естественнонаучных представлений о вероятности надо перейти к представлениям о случайных скоплениях (congeries), лишенных каких-либо осмысленно-каузальных связей, определенности и единства. Естественнонаучные концепции силы, массы, фактора (factor), равновесия и другие также должны быть заменены концепциями общественных наук, в чем-то гомологичными естественным, но вместе с тем и отличными от них.

Аналогичным образом дело должно обстоять и с методами. В естественных науках наблюдение сводится к учету только внешних факторов (externalistic). Ученые-естествоиспытатели могут проводить эксперименты, не фиксируя какие-либо закономерности того или иного феномена. Между тем исследователи в области общественных наук, обращающие внимание на значимые компоненты с теми же, что и в естественных науках, переменными, должны найти связи, существенные для общественных наук. И наоборот, переменные, которые связаны между собой с точки зрения естественных наук, в общественных науках могут быть совершенно не связаны. Эти соображения позволяют обозначить второе фундаментальное преобразование, через которое должны пройти общественные науки.

III. Изменение системы истины и преобразование принципов и методов референции означает фундаментальную модификацию содержания и характера общественных наук. Проблемы, которые они изучают; факты, которые они наблюдают; выводы, которые они делают, — все это будет глубоко отлично от того, что существует в наше время. В результате возникнет более адекватное знание. Это будет знание не просто об изменчивой и неопределенной сенсорной видимости социокультурных феноменов, но, что более

важно, — о более глубоких слоях социокультурной реальности. Через это знание придет понимание природы социокультурных феноменов и наблюдаемых закономерностей в их статической и динамической формах. Формулы закономерностей, которые могут быть выведены, будут более валидными и более точными, чем вводящие в заблуждение формулы ложных закономерностей, предлагаемые в обсуждаемый период.

IV. Важность такого знания для прикладной социальной науки очевидна. Мы можем дать беглый набросок некоторых, наиболее значительных тенденций будущего. Будет разработаны эффективные меры исправления социальных бедствий. Творческая составляющая человеческого опыта получит новый вдохновляющий импульс. Во всех областях культуры будут созданы великолепные и непреходящие ценности.

Тогда и только тогда, когда будет проведено это революционное преобразование, общественные науки станут реальной, автономной научной дисциплиной, поистине равной естественным наукам. Тогда и только тогда они смогут воплотить в себе действительное знание и истинную мудрость. Тогда и только тогда они станут непреходящей ценностью, такой же бессмертной, как и любая истинная ценность. Поэтому эта Декларация независимости общественных наук есть и их «Великая хартия»⁵. Ее цель — изменить положение, при котором общественная наука является рабыней естественных наук и политики, сделать ее равноправным членом в великом союзе важнейших социокультурных ценностей, наряду с другими науками, философией, религией, искусством и этикой.

⁵ «Magna Carta» — Великая хартия вольностей, подписанная английским королем в 1215 г. Хартия обеспечивала защиту всем «свободным» гражданам от чиновников, а также право на справедливый и законный суд. — *Прим. перев.*